

11 ФЕВ. 40

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

ул. Кирова, 26/6.

Телеф. 96-69

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ УКРАИНА

от

Киев, Украинск. ССР Газ.

СВЕРКАЮЩИЙ ТАЛАНТ

(К 60-летию со дня рождения В. И. Качалова)

Искусство Качалова озарено огнем пылкой человеческой мысли, и это искусство одето в праздничные, радостные одежды. Когда Качалов выходит на сцену — все ставится необычайно значительным и глубоким.

Он идет легкой, юношеской свободной походкой Ивара Карено и мы не удивляемся тому, что он так молод, этот шестидесятипятилетний человек, но нам стыдно что мы — молодые, кажемся старше чем он. Талант Качалова — нет, гений Качалова, молод и свеж потому, что великий художник не замкнулся от жизни в «башне слоновой кости», но вошел в самую гущу современности и в живой советской действительности нашел источник подлинной молодости.

Индивидуальность Качалова безмерно ярка. Рамки амбула, ограничивающие актера, для него попросту не существуют. «Облезлый барин» Трофимов в «Вишневом саде» и Юлий Цезарь Шекспира, Гамлет и горьковский Барон, Иван Карамазов и Чацкий, царь Федор Иоаннович и Пимен. По существу, каждая новая роль Качалова была для зрителей неожиданной. Но несмотря на все яркое многообразие качаловских ролей, в его дореволюционном репертуаре всего глубже определилась основная и значительная тема — тема интеллигента, ищущего смысл жизни. Ибсен и Гамсун, Чехов и Тургенев, Достоевский и Шекспир — писатели разных эпох, наций и мировоззрений, приобретали в исполнении Качалова общую тональность. Юмор и «улыбчивая печаль» чеховских образов сменялись трагическим надрывом Ивана

Карамазова и пламенным экстазом Бранда. Но во всех этих образах — лишние, ненужные, уничтожаемые жизнью людей, была усталость, скорбные поиски путей и дорог, которые никуда не могли привести. Горьковский Барон и Павел Протасов позволили Качалову подойти к этой теме с новой и неожиданной стороны. Роль Барона — одна из крупнейших творческих удач Качалова за всю его сорокалетнюю жизнь в Художественном театре.

В исполнении роли Барона — классическом по совершенству и простоте, Качалов раскрыл одно из сильнейших качеств своего таланта — гуманизм. Любовь к человеку и ненависть ко всему уродующему человека, гуманизм в горьковском понимании окрасил творчество Качалова в мужественный цвет, придав его таланту особое, неповторимое очарование.

Артист сыграл на сцене МХАТ 54 роли. Это очень много. Но есть роли, которые он пронес через всю свою славную жизнь, роли, которые он сберег, как высшее сокровище. Это — Барон («На дне»), Ивар Карено («У врат царства»), Чацкий («Горе от ума»).

Качалов играет Карено творцом, мыслителем, героем. Великий артист раздвигает узкие грани психологической пьесы, и она наполняется взрывчатой социальной силой, она становится трагедией мысли. Ивар Карено читает книгу своего друга и узнает, потрясенный, что этот друг — предатель. В распоряжении актера только одно единственное слово... но литопаисонное искусство Качалова превращает

небольшую сцену в поэму человеческого гнева. Звенящим шепотом произносится слово «предатель» впервые. Возмущение и гнев растут, и уничтожающая, испепеляющая предателя мелодия звучит в голосе Карено. Он остается одиноким. Его оставляет жена, дом его описывают за долги. Качалов — Карено прячет за стюргут рукопись, прижимает к груди настольную лампу и ждет прихода кредиторов. Этой ремарки нет у Гамсуна. Лампа и рукопись — вот что осталось у Карено от прошлого. Трагическое крушение жизни и несокрушимая воля ученого-борца воплощены в исполнении Качалова с неповторимым мастерством. Жизнь образа продолжается за пределами пьесы. Это больше того, что хотел сказать Гамсун. Это глубже того, что мог сказать Гамсун, и это лучше того, что он сказал.

В отличие от многих исполнителей Чацкого, увлекавшихся только гражданственными, общественно-протестующими мотивами образа, Качалов сыграл Чацкого — юношей и гражданином. Трагедия Чацкого потому так волнующа, что он остается одиноким и в своем чувстве к Софье, и в своей ненависти к миру «негодяев знатных».

Октябрь внес изменения в репертуар МХАТ'а, привел на сцену пьесы советских авторов, поставил театр перед новыми, великими, ответственными задачами. Революция ждала своего воплощения на сцене. Устами чеховских Тузенбаха и Вершинина (Качалов играл обе эти роли) в прежние годы возмещалось радостное приближение освежающей мир бури.

После Октября Качалову пришлось сыграть нового Вершинина — партизана, героя пьесы Всеволода Иванова «Бронепоезд», и это исполнение первой советской роли было проникнуто силой и

пламенной волей, высокой патетикой и героикой. Качалов показал новые стороны своего таланта. Образ Вершинина, им созданный, исполнен какого-то былинного величия, непобедимой внутренней силы.

Тщетны попытки охватить хотя бы в беглом перечислении основные этажные роли Качалова. Каждая его работа — новая ступень на пути к совершенству, новая яркая страница истории театра. Несравненный мастер слова, лучший русский чтец, Качалов проникновенно интерпретирует стихи Пушкина, Блока, Маяковского. Он раскрывает в строках, нам хорошо известных, новое, неведомое, он заново открывает нам поэта, он возвращает самое дорогое — чувство непосредственного восприятия.

Качалов — художник-реалист. Его роли — результат внимательного взглядывания и вслушивания в мир, изучения людей. Но никогда Качалов не снисходит до копирования действительности. Он опирается в своем творчестве на непосредственное изучение действительности. Живое чувство современности — одно из лучших качеств великого советского артиста Качалова, проделавшего за сорок лет своей творческой жизни огромный путь — от чеховского полковника Вершинина до партизана Вершинина, путь к революции, увенчанный любовью и признанием народа, высшими наградами — орденами Союза и званием народного артиста СССР. От художника русской интеллигенции к художнику всего советского народа — вот путь Качалова. И хочется закончить прекрасными словами Вольтера, сказанными о другом великом актере — Лекене: «Счастлив народ, создавший такого художника, но счастлив и художник, созданный таким народом».

А. ГОЗЕНПУД.